

С того момента Фан Цзинь продолжал идти своим путем. Разумеется, с уличными хулиганами он больше не пересекался, и уж тем более никто не пытался сломать ему ноги. Фан Цзинь сам по себе не был склонен к неприятностям, и его жизнь текла ровно и размеренно.

Дела Фан Цзиня шли успешно: через несколько лет он открыл целую сеть заведений. Хотя его нельзя было сравнить с крупными предпринимателями, жил он в достатке. Бай Цинь, путешествуя, познакомилась с иностранцем — человеком весьма надежным. Фан Цзинь, присмотревшись, возражать не стал. Вскоре, следуя привычкам иностранца, они поженились, жили счастливо и на родину почти не возвращались. Фан Цзинь лишь вздыхал: с одной стороны, он чувствовал облегчение, с другой — тревогу.

Чжан Кай был достойным человеком. Унаследовав семейный бизнес, он жил спокойно и всегда относился к Фан Цзиню с величайшим почтением. Фан Цзинь не возражал дать ему пару советов, но работать вместе особого желания не испытывал. Коммерция когда-то была лишь вынужденной мерой, а теперь, получив второй шанс на жизнь, он не хотел снова обременять себя делами.

Что касается тех троих университетских красавцев, они всё так же частенько заходили в основной магазин. Чаше других появлялся Ань Цзыцзэ. Он нередко украдкой наблюдал за тем, как Фан Цзинь хлопочет по хозяйству, но стоило тому перевести взгляд на него, как он тут же отворачивался. Поэтому, в отличие от шумных посиделок с Хуан Линем и Сюй Чу, отношения с Ань Цзыцзэ напоминали игру в прятки: то близость, то отчуждение.

Казалось, жизнь так и будет идти своим чередом, но внезапно нагрянула тяжелая болезнь. Фан Цзинь, как обычно, работал, когда вдруг почувствовал головокружение и упал прямо в зале магазина. Он не знал, какой хаос воцарился в заведении после того, как он потерял сознание.

Больше всех паниковал Ань Цзыцзэ, который всё это время тайком следил за ним. В тот момент, когда Фан Цзинь рухнул на пол, мир Ань Цзыцзэ начал рушиться. Он оцепенел, не зная, что предпринять. Лишь спустя мгновение он первым бросился к нему, но не посмел коснуться — боялся, что в неведении только навредит, а такой ответственности он бы не вынес. Когда наконец приехала скорая, он, подметив взгляд Хуан Линя, понял, что уже весь в слезах. Даже с опустошенным разумом он был готов следовать за ним, но теперь лишился и этого шанса.

Через несколько дней Фан Цзинь скончался.

Бай Цинь, находясь на чужбине, получила эту весть и не знала, что и думать, но слезы лились непрерывно. Под изумленным взглядом мужа она вытерла лицо и поспешила на родину, к нему. Бай Цинь была неглупа. Еще с того дня, когда её сын вышел из комнаты, она почувствовала неладное: в его глазах никогда не было такой мягкости — сияющей, нежной, лишенной всякой злобы и мирской пыли. Совсем не похожей на темные глаза её настоящего сына. Она глубоко любила своего ребенка, поэтому в отношении этого чужака выбрала тактику выжидания. С течением времени враждебности поубавилось, ведь этот гость, казалось, во всем желал ей лишь добра. Она чувствовала растерянность, и когда Фан Цзинь дал ей повод уйти, она почти без колебаний уехала. Она думала, что у неё будет время всё обдумать, отдохнуть,

но...

Небо рухнуло, не так ли? Наверное. Глядя на того, кто безмятежно лежал на больничной койке, чье дыхание остановилось, она почувствовала невыносимую боль в сердце. Может, она всё поняла неверно? Может, он и был её ребенком, единственным, и никогда не менялся?

К удивлению всех, Фан Цзинь словно предвидел близкий конец. Он заранее привел все дела в порядок, чтобы живым не пришлось ни о чем беспокоиться. Бай Цинь, слушая адвоката, с тяжелым сердцем сжимала в ладони заранее составленное завещание, а её душа проваливалась в бездну.

После этого Бай Цинь словно лишилась души. Она развелась с мужем, распродала магазины, оставив лишь ту лавку в Университете Айгалос, а все деньги и свои силы направила на благотворительность. Позже иностранец нашел её и, проявив настойчивость, добился того, что они снова стали жить вместе, вместе работая на благо общества, за что их прозвали супругами с родственными душами.

Ань Цзыцзэ будто махнул на себя рукой. Самым запретным словом в его жизни стало имя Фан Цзинь. Он отдалился от всех, даже от верных друзей — Хуан Линя и Сюй Чу. Ань Цзыцзэ заперся в одиночестве, никого не пуская в сердце. Ань Цин и Матушка Ань могли лишь качать головами — их уговоры не действовали.

Сильнее всех отреагировал Чжан Кай. На похоронах он был безутешен: для него Фан Цзинь был не просто другом, а наставником. Его боль была куда глубже, чем у остальных. Но больше всего он презирал Ань Цзыцзэ. Тот явно переживал сильнее всех, но не проявлял никаких эмоций, демонстрируя невероятную трусость. Чжан Кай сжал кулаки, в ярости подошел к Ань Цзыцзэ и в такой торжественный момент ударил его прямо по ненавистному лицу.

— Очнись уже, ублюдок!

Люди бросились разнимать их, но слова Чжан Кая заставили сердца присутствующих дрогнуть. Кто остался бы равнодушным? Ань Цзыцзэ стоял неподвижно, словно не чувствуя удара и не слыша гневных слов. Лицо его покраснело и опухло, но в душе он ощущал лишь холод.

В отдалении, на краю кладбища, стоял Лян Чжуан и молча наблюдал за этим фарсом. Его не приглашали, и пришел он не ради прощания. Кто сказал, что смерть — это конец? Кто сказал, что ничего нельзя исправить?

— Босс? — подошел сзади крупный мужчина, склонив голову.

— Мм, — тихо отозвался Лян Чжуан, развернулся и добавил: — Пойдем. Пора.

Фан Цзинь пребывал в замешательстве. Внезапный уход ошеломил его. С того момента, как он потерял сознание, его душа погрузилась в сон, и лишь после смерти тела она отделилась и вернулась в пространство, подготовленное для хозяина. Сяо Чжа называл это место Перевалочным пунктом.

Фан Цзинь парил в пустоте, оглядывая свою полупрозрачную душу. Похоже, погружения в миры истощают её, так что укрепление души — вещь необходимая. Взгляд Фан Цзиня потемнел. Ему не нравилось, что даже собственное существование требует таких расчетов.

Вскоре появился Сяо Чжа. Выполнение заданий шло ему на пользу: он обрел физическую форму — миловидного малыша трех-четырёх лет, который говорил детским голоском и вел себя так очаровательно, что Фан Цзиню это даже нравилось.

— Поздравляю, хозяин, задание выполнено! — он даже раскинул ручки, просясь на ручки.

Фан Цзинь приподнял бровь, подошел и принялся тискать Сяо Чжа за щеки. Тот опешил. Он не признавался, что когда Фан Цзинь мучил щеки Чжан Кая, он злорадствовал, но теперь, когда это коснулось его самого... это было больно. Насладившись, Фан Цзинь отпустил его. Малыш со слезами на глазах испуганно потирал щеки. Фан Цзинь улыбнулся, и раскаяния в его мыслях не было.

Он осмотрелся. Вокруг Перевалочного пункта мерцали звезды, но вблизи ничего не было. Фан Цзинь попытался отойти дальше, но на определенном расстоянии путь оказался прегражден. Он оставил эти попытки и присмотрелся к обстановке: диван, подушки, кровать и даже ЖК-телевизор. Интересно, он вообще работает? Фан Цзинь бросил взгляд на Сяо Чжа, который всё еще потирал щеки. Похоже, слова о желании стать человеком — не пустой звук.

— Сяо Чжа, иди сюда, — позвал он.

Малыш подошел. Фан Цзинь обнял его и спросил:

— Что это за тело?

— Я... я купил его за золотые монеты, — осторожно ответил он.

— Золотые монеты? Какие еще монеты?

— Ну... воспоминания оригинала и... — Сяо Чжа попытался спрятать голову, как страус.

Фан Цзинь кивнул. Он догадывался: покупка товаров идет на пользу Сяо Чжа, а выполнение заданий приносит монеты.

— Рассказывай, как прошла миссия.

— Хорошо! — голос Сяо Чжа повеселел, стоило ему почувствовать, что хозяин больше не источает пугающую ауру. — Итоги: уровень выполнения — высший, награда 3000 монет. Конвертация средств — 12500 монет, очки морали — 4520 монет. Расходы: сюжет — 20 монет, воспоминания — 2000, обновление системы — 2000. Итого: 16000 монет. Поздравляю!

— Сяо Чжа, открой магазин.

Тот восторженно запищал и открыл интерфейс.

— Найди укрепление души.

— ...Хорошо, — Сяо Чжа замялся.

— В чем дело?

— Ну... с укрепления души я... не получаю комиссионных.

— Покупай.

— ...Хорошо.

— Показывай другие товары.

— А?

— С других ведь есть комиссия?

— Есть, есть, есть!

Видя радость Сяо Чжа, Фан Цзинь и сам повеселел. Он приобрел родословную за 5000 золотых монет — Родословную Речи Истины. Говорилось, что она дает способность воплощать сказанное в реальность. Фан Цзинь чувствовал: это верный выбор. К тому же, родословная могла развиваться. Это было надежно.

Эффект проявился быстро: душа стала полупрозрачной, внутри разлилась удивительная сила.

— Хозяин?

— Мм?

— Хотите узнать, что стало с тем миром?

Фан Цзинь приподнял бровь и промолчал. Спустя время сказал:

— Забудь. Рассказывай о следующем мире.

— Ох, ладно.

Сяо Чжа, как система, начал загружать информацию о прошлых мирах, отчего Фан Цзинь почувствовал дискомфорт — особенно от нахлынувших чужих эмоций. Он не знал, что делать. Хотя он чувствовал, что должен быть знаком с этим, на деле у него не было никакой уверенности. Поступки Фан Цзиня ставили его в тупик: он не знал, были ли они правильными или просто неизбежными. Сяо Чжа был лишь системой, набором кодов. Разве не так? Но ему было больно.

Фан Цзинь взглянул на него и, легко прочитав мысли, снова притянул к себе.

— Чем ты обычно занимаешься?

Фан Цзинь долгое время блокировал Сяо Чжа, заставляя его играть в стороне. Теперь он подумал: в этом пространстве ничего нет, чем же он тут занимался? То, что показал Сяо Чжа, повергло Фан Цзиня в недоумение. Малыш имитировал обычную жизнь: вставал, ел, играл, ходил на работу. Фан Цзиню стало грустно.

Когда Сяо Чжа закончил, Фан Цзинь погладил его по голове, скрывая мрачный взгляд. Он понимал, что к чему. Одиночество, Небесный Путь... Фан Цзинь не знал всех правил этой игры, но как человек, вошедший в неё полудобровольно, он видел суть. Небесный Путь явно не сулил ничего хорошего. Он напоминал ему Лян Чжуана.

Лян Чжуан был загадочен. От него исходила такая мощь, что даже при слабом телосложении он подавлял сильных мужчин. Фан Цзинь видел, что Лян Чжуан смотрит на всех, кроме него, как на безжизненные предметы. Это взгляд того, кто стоит на вершине: то ли сострадание, то ли полное его отсутствие. Кого такой человек может ценить?

Ты не понимаешь.

Ань Цзыцзэ... Любовь пришла поздно, осознание — еще позже.

После ухода Фан Цзиня многие вздыхали, многие плакали. А у него внутри всё дрожало, хотя он не понимал почему. Он помнил, как на похоронах никчемный Чжан Кай внезапно взорвался и ударил его. Он не успел уклониться, щека ныла. Он не понимал, почему тот так негодовал, почему кричал, что он не оправдал ожиданий. Он ведь ничего не сделал!

Еще больше его поразило, что не только Чжан Кай, но и Хуан Линь с Сюй Чу смотрели на него с гневом. Он не понимал. Дома младшая сестра, которая раньше во всем его слушалась, теперь лишь тяжело вздыхала, глядя на него, а мать смотрела с невыразимой сложностью.

Спустя годы Ань Цзыцзэ перестал быть тем гордым студентом. Жизнь закалила его, характер стал твердым, изменилась аура. Лицо Фан Цзиня в памяти стерлось, но чувства стали лишь острее, вплоть до боли в костях. Он всё еще не понимал, но теперь он был в смятении. А может, всё же понимал... просто боялся признаться. Ведь прошли годы, и стало слишком поздно.

Не выдержав атмосферы дома и странностей друзей, он переехал далеко-далеко. Он бросил все силы на бизнес, стал эталоном в деловых кругах, его окружали толпы, но внутри была пустота... Пустота.

Он думал, что так и состарится в одиночестве. Но он жалел!

Ань Цзыцзэ всегда думал, что его чувства к Фан Цзиню — лишь интерес. Тот вкусно готовил, знал много вещей, был загадочен. При жизни Фан Цзиня и долгое время после он считал его просто другом, как Хуан Линь или Сюй Чу. Но с годами он понял: какой к черту друг? Это было самообманом.

Он помнил их первую встречу в своей парикмахерской, которую открыл ради забавы. Как только Фан Цзинь вошел, он приковал к себе всё внимание. Ань Цзыцзэ хотелось показать всё свое мастерство, подарить ему идеальную стрижку, хотя он учился этому лишь ради развлечения. Он даже подарил ему ту драгоценную серьгу, которую Фан Цзинь потом тщетно пытался вернуть.

На самом деле он должен был понять всё еще тогда, с первого взгляда. Но он был глуп. Сколько лет ушло на то, чтобы признать это? Сколько раз он корил себя за то, что, влюбившись с первого взгляда, скрывал свои истинные чувства? Он был даже хуже Лян Чжуана, который хотя бы осознал свои чувства и начал действовать раньше. Хотя методы Лян Чжуана он не одобрял, он всё равно проиграл — проиграл своей глупости и трусости.

В мире нет лекарства от сожалений и воды забвения. Шли годы, и он ни разу не посетил те места. Ни разу.

Он постарел, его походка стала нетвердой. Когда друзья, мать и сестра уже ушли из жизни, у него хватило крохи мужества вернуться на родину, чтобы оглянуться на прошлое.